

A movie poster featuring a man and a woman in a romantic pose on a train. The woman is wearing a blue, ornate dress and is holding onto the train's railing. The man is wearing a dark, military-style uniform and is embracing her. They are standing on a train car that is moving towards a large, ornate castle in the distance. The sky is filled with clouds and a bright sun, creating a warm, golden light. The overall style is romantic and fantastical.

НАДЕЖДА
МАМАЕВА

ЕЩЁ ОДИН
ШАНС ДЛЯ
МЕНТАЛИСТА

Надежда Мамаева

Еще один шанс для менталиста

<https://litres.ru/74550168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если тебе до смерти нужно попасть в столицу, именно костлявая может с тобой и случиться. Причем несколько раз за один день! А я-то всего лишь хотела зайцем проехать. А получилось — на тот свет!

Кто же знал, что в одном из вагонов тайно везут корону? Да еще крадут ее. Причем не очень удачно. Прямо с грандиозным провалом — и планов, и небесных рельсов, с которых весь состав падает на проклятые земли, и всё начинается заново!

Теперь я единственная, кто в курсе всего. И чтобы разорвать эту временную петлю, нужно всего-то: вычислить похитителей и спасти пассажиров. Но куда тяжелее оказывается не влюбиться в своего единственного союзника — холодного красавца-менталиста в опале. Он не помнит ничего, но каждый раз заново читает мои мысли. И кажется, видит в них кое-что лишнее

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Еще один шанс для менталиста

Глава 1

Если вам когда-нибудь понадобится попасть в столицу Парящих земель за сутки, невзирая на штормовые предупреждения, отсутствие билетов и здравый смысл, — спросите меня: «Как?..» Как я могла на все это наплевать и ринуться туда?

Признаться, в свое оправдание могу сказать: в тот день, а вернее ночь, когда я на это решилась, луна была полной, нужда — большой, а меня оставили без присмотра наедине с горой бумаг, что нужно было разгрести. Ибо отец, который до этого стоял у руля нашей фабрики, слег с сердечным приступом. И было отчего: оказалось, что патент, выданный на торговое дело для рода Нейсбругов еще прадедущкой нынешнего монарха, закончился со смертью нынешнего правителя. А та случилась буквально вчера!

Для получения нового же разрешения нужно было прибыть представителю семьи в столицу. Срочно! Иначе придется останавливать производство. Вот только, если стекольные печи перестанут работать хоть на день — это не просто убытки, это застывание всей массы! И чтобы запустить про-

цесс заново — уйдет месяц, не меньше. А за это время будет куча сорванных поставок и... Как отец это все представил — так и занемог.

А братья, как назло: один в отъезде, заключает деловой договор с орками. Второй — избираться в парламент вздумал, и у него не то что свободного дня — часу нет! Матушка для выбивания патента слишком мягка, а мои два племянника — малы. Да, столоначальники в столице девиц слушают куда хуже, чем представительных джентльменов, но... Деваться некуда!

Так что я собрала поутру вещи в сумку, мысли — в кучу, волю — в кулак, и сейчас бежала, одной рукой вцепившись в саквояж, в котором покоились помимо вещей документы и парочка артефактов на крайний случай, а другой — придерживая юбку. Уф! Хорошо хоть прошла эта гадская мода на турнюры, еще бы дожидаться, когда минует и на подолы в пол, и на корсеты...

Западный вокзал гавани Сент-Облако гудел, как растревоженный улей, в который ткнули палкой, бесстрашно пошуровали той, а потом на пчел еще и накричали. А те, в свою очередь, хоть и насекомые, озверели и зашумели.

Город шумел точно так же. Чуть нервно, хаотично, с деловой суетливостью, от которой рукой подать как до выгодной сделки, так и до ругани. Посему в воздухе вместе с запахом угольной пыли и озона от работы магических двигателей витал легкий флер наживы и потерь, если будешь зевать.

Впрочем, я этого делать и не собиралась, лавируя в толпе, точно угорь в болотной воде. Я стремилась туда, где сквозь ажурные арки дебаркадера, напоминавшие скелет гигантского кита (причем такого, который явно не следил за своим здоровьем), всплывал железнодорожный состав. «Стремительный» — локомотив, отливающий вороненой сталью, с гербом королевского дома на боку: золотая цапля, схватившая клювом молнию.

Этот черный гигант, чудо чаротехнической мысли, чем-то напоминал мне приглашение, написанное каллиграфическим почерком. Но на казнь. Причем не в качестве зрителя.

Состав стоял на пути и меж его колесами и рельсами то и дело проскакивали искры силы. За маговозом тянулись двадцать пять вагонов, и у последнего, хвала всем богам, имелась открытая платформа — крошечный металлический балкончик с витыми перильцами, предназначенный, вероятно, для джентльменов, желающих обозревать проплывающие мимо облака, плевать на все земные проблемы с чувством собственного превосходства. Ну или просто плевать... Мой братец Элвис, кажется, в детстве так и делал...

Впрочем, сейчас было не до воспоминаний. Нужно было работать! И на благо семьи в целом, и локтями, чтобы протиснуться к кассе, в частности.

— Мест нет! — едва добравшись до заветной цели, услышала я от тетки, что сидела за зарешеченным окошком.

— Совсем нет? — уточнила я, хоть глухой и не была. И

слова «нет» слышать умела. Мне просто нужно было чуточку времени, чтобы в руке появилась, вместо гадской юбки, стофоллированная купюра. За такую можно было выкупить целый вагон, не то что одно сидячее место возле туалета. — Мне бы любое... Без сдачи...

Кассирша гулко сглотнула и с таким сожалением глянула на банкноту, что стало ясно: без вариантов.

— Все раскуплены, — выдохнула она и даже с каким-то заискивающим тоном предложила: — Может, на завтрашний рейс...

В ответ я лишь покачала головой и... хотелось бы сказать, отошла, но по правде — меня оттеснили. А все потому, что я перестала бороться за свое место под солнц... у окна!

Впрочем, просто так я сдаваться не собиралась! И если судьба забрала все тузы себе, то самое время... сыграть в салочки! Хотя бы с поездом.

Тот, словно в ответ на мои мысли, издал мелодичный гудок. По перрону заспешили последние пассажиры: уважаемые господа в цилиндрах, дамы с кружевными зонтиками, какой-то чересчур невозмутимый кот в попоне. Носильщики засуетились, захлопали двери вагонов. Я рванула вперед, прижимая саквояж к груди и чувствуя, как шляпка предательски съезжает набок.

Может, попробовать еще раз? Проверить на сребролюбие если не кассиршу, то проводника. Я не верила, что мест совершенно нет. Есть взятка, которая не по размеру. Но, увы,

отчего-то сегодня все были до отвращения честными. Что за неприятные люди. Тут девушка в беде, а никого нет в финансовой нужде!

Ветер, гуляющий под куполом вокзала, немедленно попытался сорвать с головы успевшую одемонеть мне за это утро шляпку. Я, схватив беглянку за поля, повернулась, желая попытать счастье с последним вагоновожатым: на еще одного не хватит времени — и тотчас врезалась во что-то высокое и твердое.

Это могла бы быть колонна. Только те не носят китель и не дышат. А еще не смотрят на тебя с холодом, от которого даже в знойный июльский день думаешь о шубе. В пол.

Добавить к этому образу волосы цвета платины в лунном свете, что были зачесаны назад и схвачены на затылке простым шнурком, высокие резкие скулы, прямой нос, волевой подбородок и брови вразлет — и образ отморож... ледяного в своем невозмутимом спокойствии аристократа готов. Бр-р-р...

Никогда не любила этих знатных, кичившихся своим происхождением и силой родового дара. Да, магия, зараза, была нетолерантна и выбирала для своего появления в основном высшее сословие. Хотя... если и отец, и мать — чародеи, то вероятность рождения ребенка, не обделенного силой, куда выше. Так что при договорных браках (а я подозреваю, что таких среди грандов большинство) учитывалась не только знатность и состоятельность партнера, но и его да-

ровитость.

У меня же не было и искры магии. Впрочем, для девицы из торговой гильдии это скорее норма.

И нет, я не завидовала наделенным силой. Ибо это — нехорошо. Я их осуждала! За спесь. И вот это чувство собственного величия, с которым благородные смотрели на всех остальных. Слово те, кто не мог похвастаться раскидистым генеалогическим древом, — тени, недостойные внимания их лучезарных сиятельств. Вот только свет, как бы стремителен и грандиозен он ни был, никогда не обгонит тьму. Ибо куда бы он ни приходил, мрак уже там...

Этот лорд-ледник... Да, точно, Ледник... Взирает на меня своими глазами цвета штормового неба вот с этим же равнодушием и холодной непоколебимой уверенностью в своем превосходстве. Хотя в чем-то он в этот миг и правда был совершеннее меня. Во внешнем виде — так точно. Ни растрепанных волос, ни испарины на висках. Да и китель сидел на этом типе как влитой. И ткань точно не мятая оттого, что ее комкают. Ну а мне как не сжимать ее в руке, если подол под ногами путается?

Попробовал бы этот лорд-я-не-знаю-как-улыбаться походить в дамском платье хоть денек...

Едва последняя мысль промелькнула в моей голове, как на долю мига уголки мужских губ дрогнули, опровергая предположение, что Ледник понятия не имеет, как улыбаться. Но вот что удивило меня еще больше, это произнесенная

грандом фразы:

— Прошу прощения, мисс, — выдохнул он и чуть склонил голову.

Голос у его знатнейшества оказался под стать внешности — глубокий, сдержанный, с едва уловимой хрипотцой. Такой голос не успокаивает, а, скорее, предупреждает: его обладатель умен, опасен и не расположен к светской болтовне.

Я на это сморгнула: гранд что, не понял, кто перед ним? Обычно знатные снисходят до извинений лишь перед такими же, как они. Но этот блондин уверенно назвал меня мисс. Не леди. Значит, понял, кто перед ним, и все равно... Попросил прощения? Какой-то неправильный лорд.

— Ничего страшного, — отозвалась я, ощутив, что в горле вдруг отчего-то пересохло, и, пожав плечами, добавила: — Это же вокзал...

Ибо место все объясняло само. Именно здесь, среди суеты и толчеи, была самая большая концентрация встреч, столкновений и расставаний. Гранд, словно соглашаясь с моими словами (а кажется — мыслями), коротко кивнул и поспешил к одному из вагонов.

А я буду неправильной дочерью своего отца, если буду стоять, провожать взглядом широкую мужскую спину и зевать! Мы, Нейсбруги, никогда не упускали ни своих шансов, ни делового партнера, ни... поезда! Даже если тот уже запыхтел, загудел, застучал колесами и почти ушел! Но только не от меня!

Проводники уже закрывали двери, так что заскочить на подножку я уже не успевала. Но все равно, подхватив юбку, что та задралась едва не до колен, я припустила следом за маговозом. Если честно дать взятку никому не получилось, придется жульничать. Зайцем я ни разу не была, но все когда-то случается впервые...

Главное — успеть запрыгнуть на этот демонов поезд. И даже не в последний вагон, а на его балкончик сзади. Благо, туда, кажется, пока никто не вышел. Вот только искры магии, что начали пробегать по поезду, намекали — безбилетников сюда не пустят. Так вот почему на площадке позади поезда никого не стояло!

Да уж... Не думала, что крайний случай наступит так скоро, но... рука нырнула в саквояж, доставая артефакт. И едва я сжала тот, активируя, как запустила его в последний вагон.

Кристалл в оплетке не успел еще коснуться маговоза, как я отправила в полет и свой саквояж. И он приземлился на доски крохотного пяточка, огороженного перилами, ровно за миг до того, как артефакт тюкнул в вороненый бок поезда, блокируя охранные чары.

Впрочем, все это я отметила проходя, сама же сосредоточилась на том, как бы ухватиться за балкончик.

Поезд все ускорял ход, перрон стремительно кончался, обрываясь в небо. Металлические перила были рядом, но дотянуться я не могла.

Ноги уже отказывались бежать, дыхания не хватало, бок

невыносимо кололо... Прыгать на ходу, когда впереди заканчивался перрон, — была так себе идея. Но других не было. Так что я, что есть сил, оттолкнулась от брусчатки под ногами. Миг полета и... Удар о борт вагона вышиб из легких воздух. Но руки за долю секунды до этого вцепились в железный поручень. Жаль только, что ноги себе никакой опоры не нашли.

И в этот миг вокзал, как и все хорошее в жизни, закончился.

Маговоз устремился по рельсам, сквозь облака, чуть забирая вверх, словно въезжая на невидимую горку.

Я видела, как неспешно проплывают подо мной низкие, брюхатые дождем облака и кряж нижней парящей твердыни, чувствовала, как ветер бьет в лицо наотмашь и треплет волосы. Юбка, раздувшись колоколом, приподнялась. Только это ничуть не помогло ногам нащупать опоры. Ибо той просто не было.

Пальцы быстро начали неметь: железо холодило ладони. А по бокам вагона вновь начали пробегать искры магии: еще немного — и если не успею перебраться через перила, то меня вышвырнет с поезда охранным заклинанием, которое не трогает только тех, кто внутри контура.

Напрягла руки, силясь подтянуться. Плечо пронзило болью, но я держалась. Правда, морально куда больше, чем физически. Стиснув зубы, все же начала втаскивать себя. Вот уж никогда не думала, что выбраться наверх бывает так тяжело, что в карьере, что в жизни...

Кажется, я услышала треск. То ли нервов, то ли мышц, то ли ткани платья. Плевать. Силовой контур вот-вот должен был восстановиться. И тут, наконец, мой подбородок оказался на уровне перил, и я, проявив чудеса гимнастики, нащупала ногой опору. А спустя несколько секунд — и перевалилась через перила на балкончик. И почти тотчас полыхнули охранные чары, признав меня частью поезда, ибо я была уже внутри него...

Несколько секунд я просто сидела на досках, прислонившись спиной к двери тамбура, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в соседнем вагоне. Шляпка куда-то улетела, а я этого даже не заметила. Темные волосы с каштановым отливом растрепались и выбились из прически, прилипнув к вспотевшему лбу. А ведь еще недавно, на перроне, я думала, что выгляжу растрепанной в своем

сиреневом платье. Как оказалось, тогда я была верхом опрятности и аккуратности.

«Стремительный» мягко покачивался, унося меня прочь от гавани Сент-Облако. Я поднялась на колени, потом на ноги, держась за перила. За ними проплывали облака, теперь уже не дождевые, а кучевые, пушистые, подсвеченные утренним солнцем, похожие на гигантские сахарные головы. Уплывал вдаль силуэт родного Эрланда — одного из четырех самых крупных островов Парящих твердынь. На нем раскинулось несколько городов, множество деревенок, а еще полей, лесов и даже был небольшой горный кряж с водопадами, на которые мы ездили всей семьей в летние каникулы, когда я была маленькой...

Вздохнула и глянула вниз, туда, где простирались Проклятые земли, на которых ныне не мог выжить никто из смертных (да и магов тоже), а после подняла с пола саквояж.

— Не то чтобы я полагаюсь на везение, но вдруг... — произнесла вслух, берясь за ручку двери.

Увы, вдруг не случилось. И та оказалась заперта. Благо, кажется, на простой замок, а не на заклинание. Я же, запустив пальцы в волосы, выудила из них шпильку. Не то чтобы я была взломщицей, но... времени у меня теперь был целый вагон. А вот желания любоваться облаками всю дорогу не имелось ни капли. Тем более что маговоз забирал все выше и стало ощутимо холоднее. Как бы через пару часов на свежем воздухе не превратиться в столь же свежий труп, не добрав-

шись до ближайшей станции. А остановка на той, насколько помню, будет около полудня...

Наконец, спустя две сломанные шпильки и три ногтя, замок поддался, щелкнул и дверь открылась. Я, изрядно озябшая, вошла в вагон, в котором витал запах лавандовой полироли и нагретого металла.

Заглянула в коридор: ковровая дорожка, приглушенный свет бра на стенах, натертые до блеска лакированные деревянные панели. Слишком роскошно для моего нынешнего внешнего вида. Я среди этой обстановки как гнойный прыщ на девичьем лбу. Надо убираться отсюда поскорее, пока никто из пассажиров, а тем паче вагонновожатый, не увидел и не начал задавать такие бестактные и совершенно ненужные вопросы вроде: что вы здесь делаете и где ваш билет...

Скользнула в коридор, стараясь ступать как можно тише, и двинулась в поисках багажного вагона. Там, среди чемоданов, тюков, можно было прятаться до самого прибытия в столицу...

И на этот раз для разнообразия мне повезло. Сразу после второго тамбура я попала в нужное место. Здесь громоздились друг на друга сундуки всех размеров и мастей, коробки со шляпами, футляры для музыкальных инструментов. В углу стояла клетка с сонным попугаем, который покосился на меня с видом матерого мага-ренегата, узревшего наивного неофита.

Пробралась в самый дальний угол, за три больших сун-

дука с гербами графства Шоуртон, что находилось по соседству от Дейлина — города, где располагалась наша фабрика. М-да, судя по количеству багажа, кто-то из Шоуртонов отправился в столицу... Интересно, графиня или граф? Хотя так и подмывало переиначить последнего в графин — уж больно мужчины этого семейства были в себе напитокосодержащими. Причем предпочтения отдавали питию виноградных соков с хорошей выдержкой. И та — отнюдь не про крепкие нервы.

Хотя последние мне понадобились и еще как, когда я, протискиваясь меж багажа, случайно задела холстину, которой были накрыты лежавшие на полке вещи. Ну, я полагала, что вещи. Хотя труп — он же уже не живой. Значит, да, вещь! Вот кто-то чемоданы везет с собой, а кто-то трупы... Подумаешь! Тоже багаж.

Правда, обо всем этом я подумала позже, а вначале, как приличная девушка, едва неприлично не заорала, но опомнилась в последний момент и очень нецензурно выругалась, увидев на уровне своего лица профиль мертвеца. Причем тот был без нормальной упаковки. В смысле, гроба... кто ж так трупы перевозит?

Интересно, а этому мертвяку проездной оформили как человеку или как багажу?.. Хотя чего это я, если тело едет в этом вагоне, значит поклажа! М-да... А раньше я считала, что билет в один конец — это когда на вокзале купил пирожок с потрошками...

Протискиваться мимо покойника было тем еще удовольствием. Я старалась не дышать, хоть труп и был свеж, аки майская роза. Наверняка в чарах стазиса.

Впрочем, куда больше сохранности чужих тел (от них я постаралась держаться подальше), меня волновало положение собственных дел. А последние были не очень: нижние полки багажного отделения оказались забиты так плотно, что туда могла бы втиснуться разве что кошечка.

Но я таковой, увы, не являлась, ибо если голова прошла, то это, увы, не значило, что пролезет и все остальное. И это все как раз застряло меж двумя сундуками, обитыми медными полосами. Выбиралась я с трудом и с бранью. С последней — особенно, еще раз убедившись: если поначалу тебе кажется, что увидел коридор возможностей, просто очень узкий — это точно ловушка.

Сия мудрая мысль стоила мне стесанного локтя, потраченных сил и нервов. Хотя я предпочла бы отдать деньгами, но... Но раз судьба отказывается от такого выгодного курса, буду осмотрительнее и гляну на верхние полки!

Те были, к слову, завалены чемоданами пассажиров, которые, судя по картонным сопроводительным биркам, ехали до самой столицы. Прекрасно. Если эти пассажиры следуют до конечной, значит, до самой столицы их багаж никто не потревожит. Ну, кроме меня. Значит, не нужно опасаться, что на промежуточных станциях случайно обнаружат за какими-нибудь коробками со шляпами не мышь, а девицу Ка-

тарину Нейсбруг.

Забравшись наверх (не с первого раза, но опустим этот позорный момент моей биографии), я с удивлением обнаружила, что за грудой чемоданов имеется небольшая ниша между стеной и багажом. Туда-то я и ввинтилась. А после смогла наконец выдохнуть. Руки подрагивали: сегодня мало того, что им пришлось вытаскивать свою отчаянную хозяйку из неприятностей на балкончик, так еще и поднимать на самый верх (увы, не деловых кругов, а всего лишь полук). В общем, мои рученьки устали. И ноженьки. И бедовая голова — тоже.

Ее-то я и положила на саквояж, устроилась поудобнее и начала задремывать под ритмичный стук колес, которому вторило мерное гудение левитационных пластин. Где-то вдалеке слышались приглушенные голоса пассажиров, хлопали двери купе...

И да, сейчас я наконец-таки почувствовала себя настоящей кошкой. Той самой, которая желает провести свои дни в спокойствии, и чтоб как можно меньше людей вмешивались в ее дела. Впрочем, этим пушистая очень напоминает настоящих людей. Да-да, ибо есть еще и люди насквозь фальшивые.

Под такие мысли глаза начали закрываться сами собой. Усталость навалилась разом и выверенным ударом боксера, с одного хука отправила меня то ли в сон, то ли в нокаут.

И вот после такого бойцов обычно выводят... в смысле выносят с ринга. И больше не бьют. А меня — еще как про-

должили! Во всяком случае, очнулась я именно от ощущения, что мне хорошенько врезали под дых. Только не снаружи, а изнутри.

На миг показалось, будто весь воздух в багажном вагоне выкачали, чтобы запихнуть мне в легкие, а он оттуда решил выбраться не через глотку, а напролом, сквозь ребра. Я распахнула глаза, пытаюсь закричать, и не смогла: горло перехватило, а тело налилось свинцовой тяжестью.

Первой осознанной и даже почти не матерной мыслью была: «Магия, чтоб ее!»

Кажется, где-то совсем рядом произошел мощный всплеск силы. Я ощущала откат от него всем телом: от желудка, который свернулся в дулю, до волосков на коже, вставших дыбом.

И вот такая, оглушенная откатом, я услышала голос. Он звучал приглушенно, словно доносился из-под воды или сквозь толстую подушку. Я не могла разобрать ни единого слова. Да, если честно, и не пыталась даже, сосредоточившись на том, чтобы не сдохнуть от боли. А главное — не заорать. Ибо наконец-то смогла снова дышать, а значит, и голосить.

Да, с жизненными приоритетами у меня иногда бывает не очень. Но уж как есть... И, как пить дать, сейчас неизвестный мне маг творил какую-то запрещенную (иначе зачем ему здесь прятаться?) волшбу. Откат от последней я только что хлебнула полной ложкой. Хотя мне до чужой каши, которую

сейчас, похоже, кто-то решил заварить, дела не было. Так что решила держаться (вернее, отлежаться) подальше от всей этой магической гастрономии.

Меж тем голос (Мужской голос? Женский? Не понять. Магическое эхо искажало все до неузнаваемости) закончил свой речитатив, и меня ударило магией снова. Демоны! Так до этого был не конец заклинания?

Пока перед глазамиплыли кровавые круги, за стеллажом, отделявшим меня от мага, так что увидеть я ничего при всем желании не могла, раздался шум. Кажется, чародей подтирал за собой следы. Возможно, даже елозя тряпкой по полу. Звуки были уж очень похожими. А после — звук удаляющихся шагов. Быстрых. Настолько, что еще немного — и они перейдут в бег человека, который удирает от всех демонов Преисподней.

И, как выяснилось через пару минут, за спешившим скрыться из вагона таки гнались! Только не порождения мрака, а существа из плоти и крови. Таких еще именуют людьми.

Хотя, может, это были и гномы... за стеллажом-то не разобрать. Эльфы бы были куда тише, орки — громче. Хотя этих рас на парящих островах почти не было. Все эти мысли пронеслись в моей голове после того, как дверь багажного отделения распахнулась с таким грохотом, что задрожала не только я, но и стены вагона.

— Сюда! — рявкнул мужской голос. — Я чувствую оста-

точный фон!

В вагон ворвались трое. Я слышала их шаги, тяжелые, уверенные. Так ступают те, кто привык врываться в чужие дома и жизни и не привык извиняться за это. Судя по звуку, двое тут же бросились в дальний конец вагона — туда, где, по моим прикидкам, скрылся маг, из-за которого у меня сейчас так раскалывалась голова.

— Обыщи здесь все! — скомандовал тот же голос. — И проверь остаточный след!

Глава 2

Тотчас после прозвучавшего приказа из вагона выбежало, судя по топоту ног, двое, а кто-то остался. Один или нет — не знаю. К сожалению, никто громко не выкрикнул в духе «я единственный» или «мы здесь парой». Но задавать вопрос из зрительного зала... из-за багажа я посчитала слегка неуместным. А вот побыть мешком картошки, залегшим в углу до весны, — это мне бы очень даже стоило.

Так что я лежала, боялась, дышала через раз, судорожно сжимала пальцы — в общем, выполняла всю положенную программу для девицы, которая отчаянно страшится. Впрочем, даже тихо паникуя, ворон я не считала, а вот проверяющих — еще как. И, судя по звукам, оставшихся дозорных набралась цельная одна штука. Это уже хорошо. Если этот тип подойдет слишком близко, есть шанс отбиться: нанести удар первой как тупым предметом, так и подобным же вопросом, изобразив дурочку, — выбор оружия будет зависеть и от ситуации, и от самого мужика. Правда, на диалог надежды было куда меньше. Все же пассивная агрессия — не мой конек. Я была за активную, как более продуктивную.

Меж тем шаги приближались. Я перестала дышать. Если бы могла — и сердце бы остановила для большей конспирации. Но оно, как назло, билось только сильнее. Так что пульс молотил по вискам со скоростью бешено мчащего локомо-

тива.

Законник? Охранник? Агент? Или просто маг с заданием от доминиона, которому этот чародей служит... Ибо интриги меж великими домами аристократов порой по масштабу не уступали королевским. Одним словом, я не знала точно, кто этот тип, и, если честно, знать не желала. Хорошо, если он просто пройдет мимо.

Меж тем маг остановился где-то совсем рядом: я слышала его дыхание, скрип половых досок под ногами. Но не чувствовала сканирующего заклинания: да, даром я не была наделена, но чужую силу ощущала.

Интересно, почему он не использует чары? Единственный напрашивающийся вывод: мужик не хочет своими чарами смазать остаточный след чужой волшбы, который ему приказали отследить.

Мимо щели меж двумя чемоданами, за которыми я тихарилась, проплыла фуражка. Успела заметить посеребренный висок, короткую стрижку и совершенно рядовой, ничем не примечательный мужской профиль. Увидишь такого господина средних лет — и сразу же забудешь. Ибо все в нем среднее, что ли, блеклое и смазанное.

Впрочем, я не обольщалась, ибо именно такие невзрачные на первый взгляд типы порой были самыми опасными. Помнится, проверяющий из налоговой инспекции тоже был вот таким серым, а нервов потрепал своей проверкой столько, так заставил мое сердце трепетать, что ни одному ловеласу

и охотнику за приданным и не снилось!

Ух, как я тогда переживала. И отец тоже, и братья... плевать, что с бухгалтерией все идеально... ну насколько это может быть у тех, чье дело приносит хорошую прибыль. И та в первую очередь идет на зарплаты рабочим, расходы, что неизбежны в производстве, благо семьи Нейсбруг, и лишь потом — государству, а не наоборот. И королевский ревизор был оным порядком не очень доволен. В отличие от нашего рода.

Но уехал-таки фискальный контролер ни с чем. Ибо найти хорошего счетовода посложнее порой, чем супруга. Чтоб и не сбегал при проверке, и знал свое дело — особенно. А папа нашел! И не одного! Так что налоговый обломал зубы о наши грессбухи!

Эти противные воспоминания, удивительное дело, сейчас мне очень даже помогли. Во всяком случае, я, отвлекшись на них, смогла пересидеть и нынешнюю «проверку». И маг прошел мимо.

Не иначе решил, что между откатом и исчезновением из вагона чародея, практикующего запрещенку, прошло слишком мало времени. И того не хватило бы, дабы забраться на верхнюю полку, задвинуть себя чемоданами и хорошенько укрыться. Лично я на это потратила полчаса, не меньше. А может, этот в фуражке просто торопился: остаточный след от магии, говорят, держится недолго.

В любом случае, мне повезло, и мужик, спустя пару ми-

нут, вернулся к месту проведения ритуала. И вновь я ощутила волну силы. На этот раз куда слабее. Точно дуновение ветра.

А еще шорох, позвякивание, отдельные слова заклинания, а чуть позже — куда более весомую и связную брань. Не иначе то, что сумел найти маг, ему не понравилось. Впрочем, как и двум вернувшимся к нему напарникам.

— Утек, паршивец! — по вагону прокатился тот же голос, который совсем недавно отдал приказ об обыске и считывании следа. — Быстрый, однако, зараза. Утек — как растворился... — раздался тяжкий вздох, и после: — Удалось понять, Тросс, что за заклинание так шарахнуло?

«Так, значит, этого с посеребренными висками зовут Троссом», — отметила я про себя. Имя простое, таким редко называли аристократов. Да и командир, судя по всему, хоть и одаренный, но разговор выдает в нем служивого из простого люда.

Меж тем маг начал отчет перед главным:

— Отголоски похожи на телепорт, — произнес Тросс медленно. — Но это, твою ж дивизию, невозможно. В мчащем маговозе перенос — чистое самоубийство.

— Но ты сказал — похожи... — подал голос третий из преследователей. Звучал он моложе, чем у двух других.

— Угу, похожи... Но гадость все же, — в голосе мага слышалось раздражение. Так злится тот, кому подсунули стейк из собачатины, уверяя: это отличная телятина! Только пе-

реперченная. И пересоленная. И в укусе вымоченная, точно зимняя утопленница по весне... Так что вкуса и не разобирать. Но душок... — Непонятная структура. Не темная, это точно.

— Темная, светлая... Оставить эту расовую дребедень, — рявкнул главный в этой троице таким тоном, что стало понятно: он относится к магам всех мастей одинаково подозрительно. — Наше дело — доставить груз в столицу целым и неповрежденным! Не убереем — пойдем под трибунал. Это ясно?!

Причем вроде бы последнюю фразу командир произнес спокойно. Только почему-то мне захотелось гаркнуть вместе с двумя законниками: «Так точно!» — но я сдержалась. И поймала себя на мысли, что эти ребята, похоже, все же если и работают на доминион страны, то самый главный. Правящей династии. В общем, офицеры, чтоб их! Открытие не порадовало.

— Может, это не по нашему делу? Мало ли в поезде магов?.. — после небольшой паузы заикнулся все тот же самый молодой, судя по голосу. — Ну не похоже же на попытку...

— Когда жахнет, поймешь, попытка это или пытка, — отрезал главный. — А пока — возвращаемся в вагон к остальным.

Шаги удалились. Дверь закрылась. Я осталась одна — если не считать покойника на нижней полке и тайны, которую я ненароком узнала. Правда, не до конца. Интересно, что та-

кого могли везти под столь усиленной охраной?

Причем охрана не абы какая, а из тайной канцелярии, судя по разговору. И, случись этот ценный груз все же украдут, кто станет подозреваемым номер один? Правильно, тот, кого поймают! А если еще и на чем-то незаконном, вроде безбилетного проезда...

Отлично. Просто замечательно. Папа говорил, что из меня выйдет толк. Похоже, весь он и вышел... Куда-то погулять. Ибо у его носительницы появились шикарные перспективы присесть за решетку.

М-да... Влипла так влипла. И чего нашему славному королю, Авристу Седьмому, не жилось? Скончался внезапно и скоропостижно в свои сто сорок два года.

Теперь мне вот мчись, патент продлевай (хотя не факт, что в бюро его дадут... но не дадут — столоначальникам же хуже!), тайной канцелярии или безопасникам — кто бы эти офицеры ни были — вот груз какой-то вези... Не на коронацию ли нового монарха, кстати? А то не особо я верю в совпадения.

Все эти мысли роились в моей голове, копились... А помимо них в теле — и еще кое-что, кроме раздражения. Ибо план «прикинуться трупом» был хорош, но имел один существенный недостаток: я была слегка не мертва. А живым людям, в отличие от покойников, время от времени требуется посещать уборную. И мой организм, ничуть не впечатленный ни тайной канцелярией, ни заговорами, настойчиво

напоминал о своих потребностях.

Я, конечно, была девушкой стойкой, невозмутимой, но... моего терпения до столицы явно не хватит! Потому осторожно спустилась с полки, стараясь не шуметь, и в сторону полки с трупом даже не смотреть. Потому обошла ее с другой стороны стеллажа, что ширился по центру вагона. Правда протискивалась я с трудом, ибо, прижимала к груди саквояж, который прихватила с собой с насиженн... хотя, скорее, на- леженного места.

Выскользнула в тамбур, а уже оттуда — и в коридор пассажирского вагона. Вид у меня, надо полагать, был тот еще: помятое сиреневое платье, растрепанные волосы, отсутствие шляпки (чтоб ей провалиться!). Но я хотя бы пригладила волосы и попыталась придать лицу выражение «моя голова служит для дела, а тело к ней незначительное приложение». И это даже получилось... Правда, не очень. В этом я убедилась, глянув в зеркало уборной, до которой добралась без свидетелей. Там же разобралась с нуждами телесными и душевными. Потому как смотреть на растрепавшуюся каштановую шевелюру не было никаких сил. А вот гребень в саквояже был!

Так что спустя пару минут из отражения на меня смотрела вполне себе милая девица, двадцати четырех лет. А кто назовет меня перестарком — плюну в того с разбега.

Да, соискатели на мою руку, сердце и прочий ливер имелись. И некоторым было даже глубоко безразлично, как я

выгляжу, главное, чтобы приданое было побольше... таким оказался и Джек, в которого я без памяти влюбилась в восемнадцать. А потом выяснилось, что я у него была всего лишь одним из вариантов удачно устроиться.

Благо все вскрылось еще до объявления помолвки: братья, которые Джека не сильно жаловали и раньше, с радостью указали тому на дверь. А я же всю ночь проплакала одна (гордость не допустила, чтоб хоть кто-то увидел мои слезы) и наутро стала злой, решив для себя, что кроме амуров есть в жизни место и искусству. Причем великому. Искусству завлечь, убедить, обдурить и нажиться. И я не про брачные аферы. Я про бизнес. И теперь моя задача — сделать так, чтобы наше семейное дело не потонуло.

С такими мыслями я вновь вышла в коридор и отправилась по пассажирскому вагону, решив направиться в ресторацию, раз уж багажное отделение облюбовали для себя преступники и канцелярия. Заодно и проверю: вдруг все же есть свободное купе?

Однако же двери во все, как назло, были закрыты, еще и магический кристалл над ними горел алым, намекая, что пассажиров лучше не беспокоить. И все же, миновав два тамбура, я увидела приоткрытую створку. Вот только за ней виднелся на столике флакон духов, зеркальце, дамская шляпка... В общем, все то, что деликатно намекало: здесь тоже не пусто. Видимо, хозяйка вышла в ту же уборную или подышать воздухом и забыла запереть за собой...

С сожалением вздохнув, я прошла в следующий вагон, чтобы на сей раз в нем попытать счастье. Но вместо него ко мне лично торопилась беда. Еще и протянула знакомым голосом капитана, донесшимся через тамбур:

— Мистер, попрошу вас вернуться в свое купе. Сейчас идет досмотр пассажиров.

— По какому праву? — возмутился раскатистый баритон. — Я лорд Арчибальд Дронв. Вы не смеете...

Я осторожно глянула в круглое окошко створки, что отделяла тамбур от вагона, чтобы увидеть мужчину из тех, про которых говорят «кремень». Немолодой. На нем уже успели оставить отметины и время, и враги. Морщины прорезали лоб голова была в седине, точно в щепотку сыпанули пригоршню соли, оставшуюся без прикрытия фуражки. А щеку пересекала белая полоска застарелого шрама. Но самое примечательное: тот, кого я посчитала главным в тройке офицеров, был в штатском — серый пиджак и такие же брюки.

Пассажиром же оказался высокий, округлый, точно боров по осени, рыжий джентльмен в шелковой рубаше и атласном жилете, не сходявшемся на гастрономической мозоли лордейшества. Впрочем, куда больше, чем живот, у этого господина вперед выдавалась спесь. Та заполняла собою буквально весь вагон. Только законнику на нее было плевать.

— Могу и смею, — отрезал меж тем капитан, перебив рыжего, и показал тому жетон: небольшую металлическую пластину, которая была не просто знаком тайной канцелярии.

Она давала право ее носителю действовать, невзирая на чины и сословия.

Вот гадство! Даже не констебли! Агенты! Не удивлюсь теперь, если в поезде тайно везут цельного принца... Зато понятно, почему все билеты оказались проданы...

Меж тем рыжий поперхнулся вдохом, видимо, тоже осознав, с кем имеет дело. И поспешил ретироваться. Я же отпрянула от окошка и попятилась назад.

«Так, нужно срочно сматываться отсюда!» — пронеслось у меня в мозгу, а по вагону, куда я так и не успела войти:

— Общайте здесь все — от колес до крыши вагона! И чтобы мышь не проскочила!

В мозгу быстрее любого уравниения сложилось два и два: фраза об усиленной охране и нынешний приказ занять свое место, пусть адресованный и не мне.

«Успели спереть!» — сделала я вывод и отмела вариант с высочеством. Хотя... кто этих магов знает. — А после едва вслух не выругалась. Охраннички, чтоб их! А еще тайная канцелярия называется...

Но вместо слов все же предпочла действия и дала деру. Вот только я не успела пройти с десятков шагов по вагону, как в другом конце коридора возник еще один тип. Уже знакомый мне по профилю, который разглядела в щель меж чемоданами. Трасс.

Я влипла. Капитально. Позади, в соседнем вагоне, был капитан. Впереди маячил второй агент. И ладно бы один. За

его спиной были еще двое. И, судя по виду этих ребят, мимо них мне не пройти.

Кажется, на языке законников это называется зачистка. Хотя в моем личном словаре этому было более краткое определение — капец.

Необходимо было что-то быстро решать. Прямо молниеносно. Все инстинкты вопили: нужно поворачиваться и бежать прочь от этой троицы. Но усилием воли я заставила себя остаться на месте. Замерла на миг, как просто удивленная пассажирка, и... буквально физически заставила себя беззаботно улыбнуться и пойти опасности навстречу.

Мой план держался исключительно на молитвах. А просила я небеса о том, чтоб неизвестная мне леди на подольше задержалась там, куда отправилась.

Шаг. Еще один. И еще... Сердце колотилось как бешеное, на губах застыла улыбка, троица приближалась, я в отчаянии двинулась ей навстречу и...

Есть! Дверь все еще была приоткрыта!

Я шагнула в купе и захлопнула створку, чтобы почти тотчас же услышать из коридора:

— Откройте, проверка документов!

И звук хлопнувшей двери. Для меня он был подобен взрыву, после которого мысли на миг контузило. Хотя по факту это все было едва ли громче мышиноного шуршания.

Мой взгляд заметался по купе. На столике все так же стояли духи, причем дорогие, судя по флакону, рядом лежа-

ло зеркальце в серебряной оправе и изящная косметическая шкатулка. На вешалке — шляпка с пером и легкий дорожный плащ. Хозяйка явно была дамой со вкусом и средствами. Но главное — она была дамой! Окажись пассажир джентльменом — и проверяющим трудно было бы объяснить наличие пиджаков и кальсон... Хотя по йольтской жаре какие кальсоны? Впрочем, и одних мужских рубашек достаточно...

Меж тем в вагоне началось движение: шаги, приглушенные голоса, стук в двери. Обыск. И скоро агенты будут здесь.

Плохо. Просто паршиво! Зря я полагалась на молитвы. Они, конечно, хороши, но магострел был бы лучше. Впрочем, эту мысль я отбросила, как паническую. Ведь даже если бы я уложу эту троицу на месте, то... во-первых, куда девать трупы? Во-вторых, обыск все равно продолжится, пусть и меньшим составом. Ну и, в-третьих, моральные терзания, чтоб их! Правда, людей мне убивать пока не доводилось, только время. И нервы. Ну, мух еще... Но подозреваю, что совесть в случае, если нажму на спусковой крючок, молчать не станет. Хотя, может, ее придавить чем потяжелее... Вроде мешка золота или листочка с гербовой печатью, на котором есть слово «патент»?

Вдруг я поняла, о какой околесице думаю, и осознала: так вот как выглядит моя истерика... Признаться, таковой со мной ни разу до этого не случалось. Даже когда рассталась с бывшим. Слезы были, а истерики — нет. А вот сейчас...

Что делать, что делать, что делать? Кроме как снять юбку и бегать? Тут-то я и увидела его! Ридикюль. Из него торчал картонный краешек. Я замерла. Брать чужой билет — это уже не безбилетный проезд. Это другое. Это серьезно. Это... Впрочем, тайная канцелярия — это тоже не магомобиль стартером чихнул. А у меня, пусть и принципы, но они... Пусть не гимнасты, но прогнуться еще как могут!

Рука сама потянулась к ридикюлю и осторожно, двумя пальцами, вытянула билет на имя виконтессы Агаты Швейн-Шторк. А картонка потянула за собой именной свиток, в котором оказалась эта же фамилия.

И тут в дверь купе постучали. Я открыла, уже зная, кто на пороге...

— Вы едете одна? — вместо приветствия спросил офицер Тросс, век бы не знать его имени и не встречаться! Но сегодня уже второй раз за день.

— Да, — с придыханием отозвалась я, добавив в голос кокетства, мол, по какому поводу вы, мужчина, интересуетесь? И сами ли одиноки, чтоб такие вопросы девушке задавать? — А что случилось?

— Проверка документов, — отчеканил маг и тотчас попросил оные предъявить.

Ну я, как истинная женщина, и дала ему... и даже не обещание. И не пощечину. И не взятку (угу, при свидетелях-то), и не просто (фу, пошлость!), а документы, которые держала в руках.

Тросс изучил листы внимательно. Настолько, что казалось — еще немного — и он попробует картон билета на зуб. После протянул:

— Виконтесса Агата Швейн-Шторк?

— Вы в чем-то сомневаетесь? — с вызовом отозвалась я, впрочем, не спеша называться напрямую чужим именем: вдруг у этого типа артефакт истинности на теле припрятан? И как ударит владельца магией, распознав очевидную ложь.

— Разве что в вашем возрасте... Девяносто лет — все же не расцвет юности. Тем более для гномки...

Да чтоб меня! Я только успела порадоваться, что появилась лазейка. А та вела прямиком в капкан!

На это и оставалось, что хлопать ресничками. Да так активно, словно норовила то ли устроить тайфун, или хотя бы удрать с места методом вертикального взлета.

— А гламуря, возрастная и межрасовая магия, эликсир молодости — эти слова вам о чем-то говорят? Женщина в моем возрасте может желать любви, восхищения, поклонников... И делает для этого все невозможное! Вы вот сколько бы мне дали?

— Двадцать, — хмуро отчеканил офицер, намекая, похоже, не о возрасте, а о сроке заключения. Но он не уточнил, а я сделала вид, что не заметила.

Вместо этого прощebetала:

— Вы льстец, угодник и подлец!

Хотя будь в руке веер, еще бы и жеманно ударила агента

по пальцам, отыгрывая роль. Но за неимением последнего просто протянула руку для поцелуя. Как и подобает виконтессе.

Офицер мученически воздел взгляд к потолку. На его лице было написано крупными литерами все, что он думает обо мне. Приводя к цензурному виду, это будет: «Боги-еще-одна-бестолочь-за-что?» Зато я вдруг поняла: строить глазки и дурачку куда легче, чем бизнес.

Вот только агент оказался опытным прорабом и в том, кто что из кого строит, понятие имел. Потому, подавив раздражение, со сталью в голосе произнес:

— Откройте ваш багаж. — И, видя, что я колеблюсь, законник добавил: — Да побыстрее!

— Торопить даму все равно что подгонять маговоз. В обоих случаях может случиться катастрофа, — я все же не смогла удержаться от колкости и, величественно повернувшись, направилась в сторону чемоданов, молясь про себя, чтобы виконтесса, во-первых, оказалась не воровкой и меж ее чулок не обнаружился принц. А, во-вторых, она не вернулась в самый ответственный момент.

А сейчас каждый момент был жутко ответственный. И мой отход к багажу, и открывание защелок (слава вышним, на них не стояло охранных заклинаний), и откидывание крышки чемодана. К слову, содержимое одного не только для агентов, но и для меня стало неожиданностью.

Зато стало понятно, отчего виконтесса не страшится во-

ров и не тратится на чары от тех. Ибо содержимое заставило бы покраснеть и бывалого контрабандиста. Не потому, что там было что-то незаконное. Скорее... впечатляющее. Панталоны в розовый задорный кружавчик были таких размеров, что их можно было счесть за агитацию. И таких агиток было много. Очень. На третьей дюжине один из двух агентов (даже у меня создалось ощущение, что старая гномка решила снабдить кружевной срамотой весь столичный квартал удовольствий) не удержался и хмыкнул.

Зря. Решила, что дурочке никто не мешает иногда быть желчной, и процедила:

— Просто я не из тех, кто носит исподнее дольше, чем брачные клятвы. Оно, знаете ли, всегда должно быть свежим. Никогда не знаешь, где и как тебя собьет магомобиль или ты случайно выпадешь из окна. А незнакомые отскребут твоё тело с брусчатки, подол при этом до неприличия задерется, и всем станет ясно: леди Швейн-Шторк в грязных дырявых панталонах! От такого срама и со стыда помереть недолго.

Тросс посмотрел на меня взглядом человека, который и до этого был убежден в своей теории, а сейчас в нее просто уверовал. Полагаю, та казалась степени глупости одной успешно молодящейся виконтессы, которой стоило бы поработать над логикой или хотя бы прикупить на распродаже здравого смысла.

Впрочем, вслух агент ничего не сказал, а первый чемо-

дан, наполненный исключительно чулками-пantalонами и бюстье, меж тем подошел к концу. И в нем искомое этой троицей обнаружено не было.

Так что ребята перешли к обыску второго. В нем обрелись ажурная шаль, ночная фривольная и снова впечатляющей ширины сорочка до пят и (о боги!) с нагрудным карманом. Я не сразу поняла, зачем он нужен, пока не нащупала внутри вставную челюсть. Запасную. В футляре. М-да... не иначе виконтесса исповедовала принцип: соблазнять соблазняяй, но об удобстве не забывай. Под шалью лежал шелковый шлафрок. Он соседствовал с грелкой. Причем не простой, а артефактной, на рунной основе. Тяжелая, медная, с витиеватой гравировкой и кожаным ремешком для крепления, она была оружием массового поражения. В смысле агентские массы поразились этой здоровенной штуковине размером со сковородку. Ибо йольское солнце было беспощадно и жарило вовсю. Даже охлаждающие кристаллы под потолком купе не справлялись со своей работой.

— Знаете, возраст возрастом, но я за свою жизнь нигде толком не успела побывать, кроме как в потрясении. И просто не представляю, какая погода может быть в столице. Вдруг там холодно и дожди. А у меня — ревматизм! А мне хочется танцев до утра! Кстати, а вы что делаете по приезде в Лейвон? — спросила я кокетливо и с намеком, мол, вы, господин агент, мужчина видный, не составите даме компанию в променаде на набережной или на тех же самых танцах?

За спиной Тросса раздался смешок. А сам офицер как-то нервно дернул глазом и поспешил продолжить обыск, чтобы закончить тот в рекордные сроки. Вот как мужика любовные перспективы простимулировали!

Благо что бы эта троица ни искала у пассажиров, в вещах виконтессы она этого не нашла. Служивые уже было собрались покинуть купе, когда у Тросса под рукавом пиджака едва заметно полыхнуло.

Агент оттянул ткань, и я увидела тонкую полоску металла, которая светилась синим. Какое сообщение на ней проступило, прочесть не удалось, но офицер на долю мига замер. А в следующую секунду лицо законника стало сосредоточенным, а его черты словно заострились.

— Оставайтесь в купе, — бросил Тросс мне и скомандовал двум другим агентам: — За мной. В ресторации поймали гада!

И вся троица тотчас вылетела в коридор, исчезнув из купе быстрее, чем стофоллированная купюра из шапки для подаяний у профессионального нищего.

Я выждала ровно три удара сердца и принялась за дело. Панталоны, грелка, шлафрок — все это вернулось на свои места. Если виконтесса и заметит неладное, то решит, что это во всем виновата тряска. Ну или в чемоданах завелась очень любопытная и большая моль с манией пересортировки вещей.

После того как все было приведено в исходный вид, я

схватила свой саквояж и выглянула в коридор. Там было пусто, как на погосте в полнолуние. Что ж, если тайная канцелярия куда-то спешит, значит, там происходит нечто интересное. А мне от этого интересного стоит держаться подальше, только... Вопрос — где? В багажный вагон все же пока соваться не стоит. Купе заняты. Уборная — и та закрыта. Я подергала дверную ручку последней и... створка распахнулась, явив на пороге немолодую, но молодящуюся гномку с явным синдромом ночной табуретки. Когда ни фигурой, ни ростом не вышла, но мимо тебя все равно не смогут пройти просто так. Не ударившись хотя бы мизинцем.

Похоже, это и есть виконтесса Агата Швейн-Шторк собственной персоной, обладательница несметного количества нижнего белья и верхних нот фальцета. Оный я оценила, когда на меня истерично наворчали. Правда, до этого мига я и не догадывалась, что бывают такие сочетания, но... как говорится: не мечталось повстречать, а сбылось!

— Милочка! Что это за неуважение! Пропустите меня! — Пронеслось по коридору тоном, каким некоторые хотят показать всем, кто здесь птица высокого полета, а кто — плебс, который должен быть благодарен небу уже за то, что дышит с такими высокородными одним воздухом.

Виконтесса, когда я отошла, протиснулась мимо меня, не удостоив и взглядом. Я же, миновав эту гранд- и просто одиозную даму, пропустила ее и поспешила дальше — в вагон-ресторан. Там уже былолюдно, слегка гномно и даже чу-

точку (всего одна штука) эльфно. В общем, не протолкнуть-ся. Ибо вагон-ресторан «Стремительного» был рассчитан на то, чтобы с комфортом обслуживать два десятка пассажиров, но сейчас здесь народу собралось куда больше.

Зрители любопытно жались по углам, вытягивали шеи с таким усердием, что позавидовали бы драконы, если бы они еще жили в нашем мире.

Я прокралась к дальнему углу, где как раз скопились все высокие. Так что ничего толком не разглядеть. Если смотреть прямо. Но жизнь давно научила меня смотреть на нее под разными углами. Главное, чтоб не из гроба. Вот и сейчас я глянула в одно из зеркал, что висели в резных рамах меж окнами, создавая иллюзию, что вагон шире, чем есть на самом деле.

Так вот, в отражении все было видно просто отлично! Словно я стояла в первом ряду. А действие на сцене, в смысле у стола, заслуживало внимания. Я даже пожалела, что под рукой миски с вялеными фруктами и орешками нет.

Сколько точно агентов тайной канцелярии здесь было — сказать не берусь: в штатском они отлично сливались с толпой. Но пятерых офицеров узнала. Знакомого мне капитана в сером пиджаке, еще Тросса (само собой) и его двух подчиненных, и еще одного конопатого законника (опять в гражданском!) я тоже причислила к канцелярским. Почему? Хотя бы потому, что рыжий держал в вытянутой руке магострел, нацеленный на... того самого ледяного блондина, с

которым я столкнулась на перроне.

Ну да! Это был точно он! Те же платиновые волосы, серые глаза, черный китель, который сидел на нем как влитой. Сейчас он выглядел еще более... опасным, что ли. Даже сидя. Даже с направленным на него магострелом. К слову, на последний блондин никак не реагировал. Более того, не признавал оружие как класс, невозмутимо прихлебывая чай с таким видом, словно все происходящее было ниже его достоинства примерно на три мили.

Глава 3

— Вот! — меж тем доложил рыжий капитану. — Я узнал этого субчика! Он проходил по ориентировке канцелярии под грифом «опасен»!

Капитан на эти слова поморщился, отчего шрам на щеке стянул кожу так, что мужское лицо на миг превратилось в уродливую маску. А после Кремень скрестил руки на груди и окинул лорда-я-все-таки-улыбаюсь мрачным взглядом.

— И на каком основании? — поинтересовался капитан тоном, который предполагал, что ответ ему не понравится, и перевел взгляд на рыжего.

— Ментальный дар! — выпалил парень, явно гордясь своей проницательностью. Он улыбался. Он был счастлив в этот миг. Вот только это самое счастье ослепляет так ярко, что подвох и не разглядеть. А в вопросе капитана он мне почудился. Конопатый меж тем продолжил: — Это лорд Кассиан Кромвилл. Разжалованный маг в опале, он мог переметнуться к врагам короны! И замечу, менталист. Он наверняка отдал мысленный приказ охране, а потом стер память... Вот стражи ничего и не заметили!

Ледник поднял взгляд на молодого агента и посмотрел так, что у конопатого дрогнула рука.

Я вдруг поняла, отчего этот тип усмехнулся на перроне! Так он же мои мысли прочитал! Сволочь! Ладно агенты, ко-

которые покусились на девичьи (хорошо, бабулины) панталонны, но этот белобрысый — на мою приватность!

— Если бы я применил свой дар, — меж тем с ленцой произнес пепельный, интонацией намекая, что догадка агента ветром тревожит водную гладь, но его не колышет, — Вы бы сейчас не то что не смогли оповестить остальных офицеров... Вы бы нацелили дуло своей пукалки в собственный висок.

Кажется, у рыжего побелели даже конопушки. До парня дошло...

— А если бы я похищал то, что у вас украли, — продолжил Ледник, позволив себе усмешку, которая дала понять: он-то точно знает, что именно, — вы бы не нашли меня вообще. Никогда. Я нахожусь в этом поезде по своему делу, которое вашу канцелярию не касается.

— Канцелярию касается все, что происходит на территории короны, — отрезал капитан. — Даже твои личные дела, Касс. Особенно твои.

И по этой одной фразе, прозвучавшей в стихшем вагоне, стало ясно: эти двое отлично знают друг друга и... недолюбливают!

Значит, Касс... Я мысленно занесла это имя в список под заголовком «Никогда не связываться». Хотя, положила руку на самое святое, что у меня было, — на кошелек, — не очень-то и хотелось.

— Покажите печати, — потребовал капитан.

Ледник — лорд Кромвилл — на миг задержал взгляд на старом знакомце. В этом взгляде читалось все, что он думает о происходящем, о капитане лично, о тайной канцелярии в частности и, кажется, о мироздании в целом. Затем, не говоря ни слова, он расстегнул манжет и закатал рукава, а после расстегнул сначала верхние пуговицы мундира и белой рубашки, которая была под ним. Я в отражении, а те, кто стояли в первых рядах и сами, смогли увидеть на мужской рельефной груди, меж ключиц, черное клеймо, которое ставят магам, чтобы закрыть их дар.

Толпа слаженно охнула. Такие руны выжигают обычно отступникам. Они запечатывают дар, лишая мага силы. Говорят, это все равно, что для простого человека ослепнуть.

Кремень меж тем наклонился к меткам, и на его лице промелькнуло нечто, похожее на сожаление.

— Такой невероятно сильный дар, — пробормотал он тихо, почти себе под нос, — и такому предателю достался...

— Я сделал на службе много того, чего теперь стыжусь, — процедил Касс.

— Но то, чем гордишься, — еще ужаснее, — выдохнул капитан, резко отстраняясь от Ледника, и, выпрямившись, бросил с раздражением рыжему: — Убери ствол. Это не он.

— Но как же... — начал было юноша, и в его голосе звучала такая искренняя растерянность, как будто это не он недавно был готов пристрелить отступника, если тот дернется.

— Этот менталист сейчас может прочесть мысли разве

что кошки, — отрезал капитан. — И то если будет тискать ее в руках. При таких печатях на сознание человека Кромвилл повлиять не может. Продолжайте обыск. — И, глянув на собравшуюся толпу, добавил: — А остальным — разойтись.

Толпа неохотно, но стала редеть, а я, приметив свободный столик у окна, устремилаь к нему. Место было всем хорошо, только что рядом с менталистом, буквально по соседству, у окна. Но куда деваться? Остальные были заняты. Не я здесь одна такая любопытная. Только в отличие от остальных — еще и вынужденно-бесстрашная. Ибо настолько близко к отступнику желающих чаевничать не было.

Конопатый убрал магострел с видом человека, которому обещали подарить на день рождения лошадь, но не уточнили, что та игрушечная и деревянная. Лорд-мозгокопатель в отставке же невозмутимо поправил манжеты, а капитан, наблюдавший за этим, не удержался от комментария:

— Ты бы лучше мундир снял, чтоб его не позорить...

— А такие, как этот медный, его не позорят? — в свою очередь без злобы, скорее констатируя факт, заметил Касс, глядя в спину уходившего конопатого. — Морвид, этот мальчишка же вас всех раскрыл, начав размахивать магострелом и вопить. Кто его только допустил до работы?

Слова, судя по всему, были для Кремня, которого, оказывается, звали Морвидом, на вкус не слаще уксуса. Офицер снова скривился, и снова шрам стянул его лицо.

— Да, ты прав, здесь я дал маху: принял сына Ворхинта

за взрослого человека.

— А я-то думаю, кого мне эта веснушчатая рожа напоминает — первого министра! И как он только своего отпрыска — и к вам...

— Не он, малец сам сбежал. Он смысленный, ты не гляди, и память отличная: тебя вон за раз срисовал. Но опыта нет... а родовая спесь есть...

— Ну, научится годам к тридцати... Если доживет, — голос менталиста звучал почти по-дружески. Если бы лично не видела, что тут недавно было, решила бы, что беседуют два старых приятеля. И они вовсе не держат друг на друга зла. Только взведенные магострелы.

— Ну а как поживают твои демоны, Морвид? Преследуют тебя в кошмарах?

— Скорее я их и наяву, — хмыкнул маг со шрамом.

Ко мне меж тем, с опаской кося на эту парочку за соседним столиком, подошел официант и не успел протянуть кожаную папку с меню, как я протараторила:

— Мне черный чай, пожалуйста, и пирожное.

Уточнив, какой именно десерт я желаю, подавальщик испарился, чтобы спустя буквально минуту конденсироваться уже с моим заказом на подносе. Так что я смогла уткнуться в чашку. Правда, вкус у напитка был так себе. Еще и осадочек остался... Как на фарфоровом доньшке, так и в душе.

Оставалось лишь искренне надеяться, что вагон виконтессы уже обыскали и туда больше агенты не заглянут. То, что,

не случись вызова в ресторан, офицеры бы и туалет не пропустили без досмотра — как пить дать. А еще подумалось, что везти может по-разному. И в жизни. И на поезде. А у меня вот оба варианта разом.

Только хватит ли этой удачи до столицы? Эх, побыстрее бы канцелярские ищейки поймали своего вора, успокоились и больше не трогали тихих-мирных безбилетников.

Перевела взгляд на ледяного лорда, который уже успел попрощаться со своим старым меченым знакомцем. Кремень ушел искать преступника, так что Касс (да-да, в мыслях я могу позволить себе быть фамильярной хоть с королем, благо, как выяснилось, мои думы все еще лишь при мне — и только!) сидел вполоборота, глядя в окно, и его профиль, резкий, четкий, словно высеченный из мрамора, был недвижим.

И хоть у меня было правило не вмешиваться в чужие дела, ибо своих вечно целая гора, вопрос, кто такой этот Ледник, так и свербел в мозгу. Еще почему этот бывший, судя по разговору с капитаном, офицер в опале? Что сделал?

Вот только я еще не решила для себя: так ли хочу знать ответы. Ведь правда редко бывает милой, приятной или хотя бы забавной. Чаще она показывает оскал гнилых, только не зубов, а душ...

Сделала еще глоток чая, посмотрела в окно, желая найти умиротворение в пейзаже, и замерла.

Мы все еще летели сквозь облака. Те были густые, клубящиеся, подсвеченные солнцем, как взбитые сливки с золотым сиропом, и выглядели куда аппетитнее, чем мое пирожное на тарелке.

Вот только в этих облаках появилось кое-что еще. Тени. Смутные, подвижные, они скользили в небе, следуя за поездом, то ныряя в белую пену, то на миг появляясь из нее. Сначала я подумала, что это птицы. Потом решила было, что это игра света. Вскоре одна из теней вырвалась из белой пелены прямо напротив моего окна.

Это был не птица. Это были неприятности. Ибо воронов размером с лошадь, на каждом из которых было по всаднику, просто птичками язык назвать не повернется. Да и не были эти магомодифицированные твари таковыми.

Тяжелые, мощные, с хищно изогнутым клювом и паршивым характером. Если кобылу нужно было опасаться сзади, козла — спереди, то эту пернатую пакость — со всех сторон. И с воздуха тоже. Когда еще не протянули по небу рельсы, на таких перекладных воронах можно было за несколько дней добраться до столицы. Но потом магический прогресс шагнул вперед, и крылатые за ним поотстали. Хотя на коротком отрезке пути могли в скорости и поравняться с поездом. Кажется, сейчас именно это и происходило. А еще нас собрались грабить! Об этом тактично намекали ружья и магометы. И ствол одного из последних на наш вагон на полном лету

наставил ближайший из рейдеров.

— Налетчики! — заголосила какая-то тетка.

Моя паника была хоть и молчалива, но полностью солидарна с вопившей дамой. Весь вагон охватил хаос. Люди и гномы заметались меж столами. Эльф, что примечательно, исчез.

Нет, все же рано я решила, что мне везет! Это был просто аванс судьбы перед очень большой бедой. И вроде сегодня утром не перебегало дорогу тринадцать черных кошек с пустыми ведрами так, чтобы из-под их хвостов сыпалась соль. Но полное ощущение того, что это было, у меня сейчас возникло.

Я судорожно вцепилась в саквояж, прикидывая, пора ли доставать из него документы и аргументы. Последние были исключительно оглушительного плана. В смысле, отрубали сознание напрочь. Главное — успеть активировать амулеты-парализаторы.

Взгляд судорожно заметался по вагону и зацепился за того единственного, кто остался невозмутим. Лорд, чтоб его, Кассиан!

Увидев, что я на него смотрю, его лордейшество невозмутимо поднял бровь и светски поинтересовался:

— Похоже, это ваше первое ограбление...

— Да, — выдохнула я, потом вспомнила, как меня каждый год грабят налоговики, и исправилась: — Нет. Но до этого грозили только камеральными проверками, а не оружи-

ем... И если раньше я знала, что можно отбиться грессбухом, то сейчас — нечем!

— В мире существует лишь два типа сражений, — прихлебывая чай и глядя на то, как наш поезд собираются грабить, невозмутимо протянул запечатанный менталист. — Первый — дабы сберечь жизнь. Второй — гордость.

— А к какому относится вот этот? — и я кивнула за окно.

— Ни к какому. Потому волноваться не о чем. Сейчас наши налетчики, следуя традициям ограблений, прицелятся по колесам, застопорят их, дождутся остановки локомотива, пройдут по вагонам, заберут все самое ценное и уберутся прочь. А состав после разблокировки заклинаний поедет дальше...

— Но они же могут кого-то убить? Люди умрут... — опешила я на такое заявление Ледника. И ведь как по этапам все расписал. Словно не раз в подобном участвовал! И еще вопрос — с какой стороны!

— Все в этом мире когда-то да умирают... — меж тем философски заметил лордейшество. — Но обычно, если использовать мозг, этого удастся избежать до старости... Так что рекомендую вам переложить сейчас самое ценное из вашей сумки. Но кое-что все же оставить: грабители не поверят, что у вас абсолютно ничего нет...

Совет был дельным (куда лучше, чем банальное «не паниковать», от которого страх бы лишь усилился), и я поспешила им воспользоваться. И только потянулась к саквоюжу,

как слышала:

— Да чтоб тебя! — и выдохнул это доселе невозмутимый голос.

А следом было два удара. Один — скинул меня с диванчика, а второй — снес охранные чары состава напрочь и вынес окно. Как раз то самое, в которое я смотрела минуту назад. Я оказалась прижата к полу менталистом, успевшим за долю мига до взрыва.

Сквозь выбитое окно в вагон ворвался свист ветра впере-мешку с вороньим карканьем. И почти тотчас — вторая атака. Она пришлась в стену, оставив в той вмятину.

— «Волноваться не о чем»? — выдохнула я в лицо лорду его же слова.

Вновь спокойное, кстати, лицо, прямо до оледенения. Лишь быстро пульсировавшая жилка на мужском виске подтверждала: на мне лежит все же живой человек, а не статуя. Ибо тело было и впрямь твердокаменным. А еще тяжелым, как мраморное надгробие.

— Видимо, эти налетчики решили, что собирать ценности с мертвых легче, чем с живых, а разница между рудниками и петлей не столь велика...

И тут, по голосу менталиста, я поняла: он все знал, вернее, предполагал и такой исход! Но решил меня... успокоить. Или, может, у него просто на дамские истерики была аллергия? И он решил купировать ту еще до начала? Так или иначе, у него это отлично получилось. Я отложила панику на

потом по техническим причинам. А вот сейчас для нее, похоже, пришло самое время.

Захотелось заорать под этим градом пульсаров, которым нас поливали налетчики. И я набрала воздуха в грудь, чтобы не отказывать себе в этом, возможно последнем в жизни, удовольствии. Но один гад мне и такой малости сделать не дал. Положил к моему виску свои пальцы и... все чувства словно притупились. Ужас со всеми его кроваво-темными красками, затопившими мое сознание, будто поблек...

— Вы же запечатаны... — потрясенно протянула я, вдруг поняв: в мое сознание только что нагло вторглись. Но замороженные эмоции не дали этим фактом даже возмутиться.

Наши с лордом взгляды встретились. Открыто и решительно. И хоть менталистом я и не была, но мне показалось, что в эту долю секунды я смогла заглянуть в чужую душу, где тьма и ярость были под жестким холодным контролем.

И сейчас смотревший на меня маг будто решал про себя, что проще: ответить на мой вопрос или проигнорировать и тем явно вызвать новые. А они точно бы были. Я-то себя знаю! И этот тип, похоже, тоже своим, пусть и запечатанным, даром что-то такое почуял. Иначе бы не произнес:

— Да, но порой полная блокировка бывает невозможна или... невыгодна. Так что прочесть мысли я могу, но при телесном контакте. А изменить их — уже, увы, нет. И раз ваша истерика откладывается по техническим причинам, позвольте, я присоединюсь к обороне...

— Но у вас не хватит магии...

— Надеюсь, что достанет зарядов, — и с этими словами менталист достал магострел и, скатившись с меня, вмиг очутился у разбитого окна, заняв позицию под прикрытием стены вагона, и, на секунду высунувшись в проем, двумя точными выстрелами отправил разом и за грань, и в штопор двух нападавших. И тотчас сам ушел с линии огня.

Из-под стола, куда меня пихнул Ледник, я могла видеть лишь его, часть пола, на котором, как и я, распластались, надеюсь, что живые, пассажиры, и выбитые окна с другой стороны вагона.

Наш экспресс буквально поливали огнем магометов. По примеру менталиста несколько мужчин, у которых были с собой магострелы, начали отвечать, но силы были не равны. А налетчики — готовы идти до конца.

И тут в окне противоположного вагона я увидела, как рейдер, сидевший на спине одного из воронов, достал громобой!

— Ложись! — только и успела крикнуть я, а в следующий миг дуло чавкнуло, и из него в экспресс полетело огромное разрывное проклятье.

Оно врезалось в соседний вагон, а наш, ресторанный, содрогнулся. Где-то наверху что-то рухнуло, зазвенели остатки стекол и зеркал, крики слились в один сплошной вой. Меня швырнуло в сторону, и я, выпустив ручку саквояжа, вцепилась в прикрученную к полу ножку стола. А потом наступила тишина. Противная. Звонящая. Режущая нервы точно тупая

ржавая пила — на разрыв. Такая, которая наступает после очень громкого звука... Или это так звучит в ушах контузия?

А после в совершеннейшем для меня безмолвии, когда открывались лишь рты пассажиров, я ощутила, как накрывается наш вагон. Наверняка внизу, под колесами, скрежетал металл, все трещало и гремело, но... Я смотрела на без единого звука стрелявшего бесстрастного Ледника, который даже в сошедшем с рельсов поезде пытался подороже продать наши жизни. На что-то явно вопившую тетку, прижавшую к груди веер. На отчаянно-испуганного джентльмена, распластавшегося на полу и судорожно шарившего по тому рукой. На еще нескольких леди, что сидели под столом, заткнув уши и зажав муририв глаза. На какого-то аристократа, пытавшегося отбиться пульсарами, но те создавались у него от страха через раз. На носатого господина, пробовавшего палить по налетчикам по примеру менталиста, но попадавшего все больше мимо.

Да всех и не упомнишь. Два десятка пассажиров, что еще недавно сидели за этими столиками... Мы все... Сейчас погибнем.

Осознание того, что сейчас случится, накрыло с головой. И последней мыслью было: зря ты сделала это, Рини, зря. Не в свой поезд — не садись!

И тотчас случился еще один взрыв. На этот раз ровнехонько в начале нашего вагона, который уже успел накренииться и готов был вот-вот опрокинуться... И в этот миг я умерла...

Полетела во что-то черное, глубокое, холодное, чтобы очнуться, когда меня ударило чем-то изнутри.

«Странно, при взрыве ударить должно снаружи», — была первая мысль. Вторая: «Отчего на том свете так больно-то?» — и лишь когда грудь начало печь огнем, я судорожно втянула воздух. А с ним пришло и осознание: «Призраки не дышат!».

А еще в их висках не стучит, пульс не колотит в барабанные перепонки, а тело не лежит скрученным меж чемоданов.

Как я не заорала — сама не поняла. Не иначе, просто после смерти забыла, как это делать. А потом пришла спасительная мысль: это был сон! Всего лишь сон... И взрыв, и менталист, закрывший меня собой, и его запах сандала и можжевельника, и досмотр в купе виконтессы...

Да-да... Это мне пригрезилось! Пусть и очень явственно. Вот только почему отголоски магии, которые были в начале моего сна, и наяву точно такие же... Как и голос, бормотавший заклинание. Может, я сошла с ума? Это было бы самым логичным объяснением.

Даже уже приготовилась, что сейчас прискачет белочка и с радостью сообщит, дескать, у тебя, Рини, поехал не только поезд, но и крыша, с чем тебя и поздравляю...

Но госпожи Безумия не случилось. Хотя вариант был бы неплохой, а главное, рабочий! Наследственность, так сказать, располагала: у нас в роду, кажется, двоюродный дедушка разговаривал с чайником, и ничего, дожил до девяноста.

Правда, чайник в итоге сбежал к соседям, но это уже детали.

Пока я об этом размышляла, маг успел сбежать из вагона, а в том появиться агенты. Но их приход, вернее, пробег с отделением офицера, замыкавшего тройку, я встретила куда флегматичнее, чем в первый раз (если он все же был).

А то, как Тросс шел меж полками, теперь волновало меня куда больше, чем вопрос: вещий сон или сумасшествие? Пифий у нас в семье не водилось никогда, в отличие от чокну... тех, кто предпочитает быть собой. Но вдруг...

Попыталась прислушаться к себе, но в итоге услышала лишь уже знакомое:

— Отголоски похожи на телепорт. Но это, твою ж дивизию, невозможно. В мчащем маговозе перенос...

«Чистое самоубийство», — вспомнила я за миг до того, как Тросс это произнес.

И то, что спросит самый молоденький, тот самый рыжий, который позже наставит на менталиста магострел, тоже знала.

— Но ты сказал — похожи... — вторя моим мыслям, произнес конопатый.

— Угу, похоже... Но гадость все же, — это уже Тросс.

Нет-нет-нет... Этого не может быть! Ни один сон не бывает таким детальным. Офицеры еще говорили, а я лежала ни жива, ни мертва. Вернее, уже и пожившая, и успевшая помереть. Так? Или все же нет? Кажется, я запуталась. Моя логика сломалась, а здравый смысл ушел прочь. А за ним —

и агенты.

Я снова осталась одна, пытаюсь что-то решить для себя или хотя бы решиться на... что? Одно было ясно: в прошлый раз все кончилось очень, очень плохо. И если сейчас я просто останусь лежать на этой полке, притворяясь чемоданом, все кончится точно так же.

Если это сон во сне (уф, даже звучит бредово!), то какая разница, что я стану делать? Если это безумие — то чего с сумасшедшей взять? А если я действительно вернулась во времени... Что ж, значит, у меня есть шанс выжить! И даже не из ума!

Я села на своей полке, едва не треснувшись макушкой о потолок, и принялась рассуждать. Идти к агентам? Рассказать им о нападении, о налетчиках, о разрывном проклятье? Прекрасная идея. Меня тут же арестуют за то, что я знаю то, чего не должна. К тому же наверняка решат, что я в сговоре с похитителями? Иначе зачем мне отвлекать офицеров такими бреднями. Как итог — запрут в каком-нибудь купе до конца поездки. И под концом я понимаю отнюдь не станцию.

А что если взять в оборот магониста? Даже если я пробежусь в локомотив, хотя с учетом охраны, которой в экспрессе едва ли не больше, чем блох на шелудивом псе, снова встанет вопрос веры. И не в религиозном смысле. Мне банально не поверят без доказательств, которых нет. Да и что я ему скажу: «Остановите поезд, через полчаса на нас нападут налетчики на воронах»? Мужик наверняка покрутит пальцем у

виска и вызовет охрану. А дальше — арест, и возвращаемся к первому варианту.

Что же делать-то?..

Глава 4

Время шло. Я сомневалась, не в силах решить, как поступить. Все же смерть меняет, похоже, не только взгляды на жизнь, но и на характер. Еще сегодня утром я без тени сомнения запрыгнула в тронувшийся поезд, а сейчас была не уверена даже в первом шаге. Потому что куда ни ступи — тупик.

И вдруг меня осенило. Менталист. В экспрессе же есть чтец мыслей. Пусть и запечатанный, но... он же сумел успокоить мою панику. Да и сам признался, что, несмотря на печати, малая толика дара ему доступна.

Не знаю, как так произошло: обычно если по приговору блокировали силу — то до конца. Разве что дар был так велик, что его не выдерживала ни одна печать. А на Кассиане их было сразу три... Или, раз он относится к канцелярии, то, может, та еще планировала как-то использовать менталиста, но при этом желала контролировать его?

Или все куда проще и он просто отступник? Но приговор смягчили в счет былых заслуг?

Думай, Рини, думай... В торговых делах я привыкла, что доверять нельзя никому. Но и без этого проклятого доверия большого бизнеса не построить. Значит, и здесь тоже придется рискнуть и положиться на того, кого совсем не знаю. Главное — он может меня прочитать. И точно сказать: это я

сошла с ума или поезд с рельсов.

Только успеть бы его найти до налета. И до обыска. В идеале — вообще до кражи. Но этот момент, я, кажется, уже упустила, пока сидела здесь и пыталась придумать план. А это значит, времени осталось не так много, если мой бред — все же не бред. Но умирать второй раз не хотелось, даже если и во сне.

Так что нужно поскорее Касса найти, чтоб он мог меня спасти. Вот мой идеальный план выживания на сегодня. Простой по задумке, но по факту... Это же нужно как-то убедить незнакомца, который в прошлой версии событий сначала смотрел на меня как на пустое место, а потом успокаивал, точно нервную лошадь. Но выбора не было.

Спустилась с полки. На этот раз даже легче как-то, что ли, будто появилась сноровка, а после выскользнула в коридор. Тот был пустой, как разговор двух матерых сплетниц. И это вселяло надежду (но жаль, не выдавало ордера хотя бы на обладание уверенностью) и веру, что у меня может что-то даже получиться.

И я, воодушевленная этим, двинулась в сторону пассажирских вагонов. Миновав три из них, как раз перешла в третий, когда увидела, как из уже знакомого купе выплывает тучная гномиха, чтобы отправиться к уборной. Агата Швейн-Шторк собственной персоной. Она прошествовала, закрывая и отчасти даже затмевая собой коридор. Отлично, значит, я слегка опережаю события предыдущего варианта.

Надеюсь, в соседнем вагоне еще не появился капитан, который наткнется на рыжего лорда, после чего начнется перепалка... А Тросс со своими людьми еще на подходе... Я ускорила шаг и буквально стрелой пролетела вагон, где скоро Арчибальд начнет качать свои права. И снова тамбур... Сердце колотилось, ладони вспотели, кажется, даже волосы были назад, так я летела стрелой, чтобы врезаться в вагон-ресторан. Тот встретил меня тишиной и размеренностью. Пассажиры вкушали чай и вкус комфортного путешествия.

Замерла у одного из крайних столиков, вглядываясь в зал. Среди посетителей ни одной пепельной макушки.

Да что за гадство такое! Только решишь спасти... ладно, не мир, экспресс и, может, чуточку королевство, и себя заодно — как никакой помощи со стороны мироздания!

Тот столик у окна, где в прошлый раз сидел Кассиан, был пуст! Только белая скатерть, вазочка с увядшим цветком и меню, прислоненное к солонке.

Но я не была из тех, кто, видя порожний стакан, думает: «Все выпили». И даже не из тех, кто радуется: «Сейчас нальют». Я относилась к породе людей, которые думают: что бы сделать, чтобы наполнить?!

В мозгу тотчас произошла корректировка плана: найти вагоновожатого и выбить из него номер купе, где остановился Кассиан Корвилл. Благо фамилия менталиста мне была известна.

И я решительно сделала целых два шага к своей новой

цели, когда вдруг появилась старая. В смысле — сам менталист. Он прошел в своем черном кителе, застегнутом на все пуговицы, несмотря на июльскую жару, к столику у окна и сел. Каждое движение — лаконичное, отточенное. Грация совершенного хищника, не иначе. Сейчас пепельный напоминал мне ртуть. Да он ей и был, столь же податливый силе и такой же опасный для всех, даже будучи в покое.

Мужской взгляд скользнул по мне, застывшей столбом. В нем промелькнуло узнавание — и только. На лице же, где застыло выражение человека, который еще не решил, что его раздражает больше: необходимость завтракать в общественном месте или сам факт существования других людей, — и вовсе не дрогнул ни один мускул.

А вот меня затрясло. Потому что стало ясно: никакой это не дурной сон! Не бывает таких грез. Даже пророческих. И, не давая себе больше ни секунды времени на раздумья, я буквально подлетела к Кассиану и схватила его за запястье. Пальцы сжали черную ткань.

Менталист поднял на меня глаза, серые и холодные, с тем же выражением вежливого недоумения, что и на перроне, и, кажется, собирался что-то сказать. Наверняка этакое вежливое от «мы уже, кажется, виделись сегодня» до...

— Вы меня преследуете?

Додумать я не успела, зато кто-то не просто озвучил мои мысли, но и выкрутил второй вариант на максимум.

— Да, — выпалила я, потом стушевалась и исправилась:

— Пока нет. Но нам нужно поговорить...

Темные брови, которые в сочетании с пепельной шевелюрой выдавали породу на раз, взметнулись вверх.

— Для таких решительных заявлений у вас нет даже короткоствольных аргументов, — как бы невзначай заметил Кассиан.

— Если вы, господин менталист, сейчас же не пойдете со мной, я клянусь, что отыщу этого рыжего засранца Ворх-инта и отберу у него магострел. Только ведь даже взведи я его, вы и не шевельнетесь, поэтому, милорд запечатанный менталист, бывший агент, пойдете со мной, — прошипела я матерой гадюкой. Потому что мне нужно было поговорить с ним во что бы то ни стало. Потому что мне нечего было терять, кроме этого второго шанса на жизнь. Потому что этот мистер-сама-невозмутимость просто так не пошел бы за мной.

Правда, сомневаюсь, что мой тон возымел действие перед этим опытным змеем, вернее, мыслеловом, но он все же поднылся. Правда, если бы сделал это без слов, цены бы Леднику не было. Но увы...

— Так на свидание меня еще ни разу не заманивали...

— А куда звали? — не удержалась я от любопытства.

— В основном, туда, где потом пытались убить...

— Обещаю, сегодня у меня нет в планах вас убивать, — выдохнула я и, сделав поправку на реальность, добавила: — Не в этот раз сегодня — так точно.

И с этими словами я и потащила менталиста к выходу в тамбур. Вот только отчего-то мне казалось, что это не я его буксирую, а он себя... позволяет, что ли. Из любопытства. Так или иначе, через минуту мы оказались меж вагонами, а стук колес заглушал слова. Но они мне были и не нужны.

В этом полумраке, под мерный гул левитационных пластин, я сделала то, чего не делала никогда в жизни и, надеюсь, больше никогда не сделаю: взяла мужское лицо в ладони — оно оказалось теплым, а скулы жесткими, — и притянула к себе. Прижалась лбом к его лбу. Зажмурилась.

— Ну, вы же можете читать! — выдохнула я. — Вас же не до конца запечатали...

И тотчас мой мозг словно озарило разрывным проклятием. А потом эта ударная волна вынесла все мысли напрочь. Я уже не держала лицо Касса. Я схватилась за его плечи, чтобы устоять. Ощутила его дыхание на своей щеке. А в какой миг теплые ладони легли на мою талию, не давая упасть, — даже не поняла...

Лишь когда менталист прижал меня ближе к себе, почувствовала, как напряглись мышцы под мундиром, а нос невыносимо защекотал запах сандала и можжевельника.

Это было так странно. Разом боль и расслабление. Сцены недавно прожитого на периферии сознания: взрыв, вагон-ресторан, налетчики на воронах. Словно кто-то быстро-быстро пролистывал книгу, которую я добровольно открыла.

А потом я услышала, как Касс судорожно вздохнул и под-

нял голову, разрывая контакт, а после посмотрел на меня и произнес:

— Это не безумие.

Гадство. А я втайне так надеялась...

— Лучше бы ты хотела меня убить... — выдохнул лорд, чтоб его, Кассиан и через плечо Кромвилл и посмотрел на меня.

Похоже, то, что он увидел, было не просто плохо. Гадски ужасно! Не иначе.

В его взгляде больше не было холодной вежливости с налетом превосходства. Вот улетучилось все враз, как деньги у профессионального мота. Зато появилась настороженность. Острая, будто отточенный клинок. И она мне совершенно не нравилась. Потому что обычно, когда мужчина на тебя смотрит с таким выражением лица, это не предвещает ничего хорошего. Ни романтической прогулки при луне, ни букета роз, ни даже приличного чая. А вот приличные неприятности — еще как.

Ледник смотрел на меня. Молча. Кажется, это длилось целую вечность, которая уместилась в несколько ударов сердца. А потом все же произнес:

— Похоже, все это и вправду случилось. И вы и вправду вернулись...

— Значит, есть еще шанс? — сглотнув, уточнила я.

— Еще один — точно есть, — отозвался менталист. — И шанс, и час...

На миг я потеряла дар речи. Вернее, он просто нагло сбежал! Выпал из моего открывшегося от удивления рта, схватил с собой за компанию весь словарный запас и покатился куда-то через тамбур в ресторацию, гремя над стойкой растеряхой...

— Час? — спустя несколько секунд выдавила я.

— Если опираться на ваши воспоминания, да, около того. Двадцать минут на перестрелку, еще столько же на разговоры и ошибочное разоблачение. И до этого, думаю, я наслаждался чаем и неведением еще не случившегося.

Какой расчетливый тип! У-у-у, прям математик, чтоб его!

— Но... но почему меня вообще выкинуло в прошлое?

— Кто-то в этом поезде поставил все на кон и, боясь проиграть, перестраховался. И судя по тому, что вы — единственная, кроме самого вора, кто помнит предыдущий цикл, — выдохнул менталист и посмотрел на меня с исключительно профессиональным интересом, — вас зацепило возвратное заклинание. С учетом того, что временная магия относится к запретной, а перенос пусть даже сознания на пару часов — очень затратный, и вы своим присутствием оттянули половину силы на себя... возможно, эта попытка возвращения — единственная.

— А скоро здесь будет досмотр, — невпопад брякнула я.

Ледник осекся. А в следующий миг и я услышала шаги и звук открывающейся двери из соседнего вагона. А вот увидеть, кто вошел не успела.

Зато реакция Касса была мгновенной. Его рука взметнулась, ладонь легла мне на затылок, и не успела я даже пискнуть, как он наклонился и прижался губами к моим.

Поцелуй был не нежным. Не страстным, а... деловым. Как печать на документе. Как подпись. И против такой резолюции я и возразить ничего не успела, не то что полноценно высказаться. Потому что этот менталист целовался просто восхитительно! Даже вот так, когда все случилось будто проходя, это было... До перехватившего дыхания. До мурашек по коже. До... Вернее да... Да чтоб тебя, сволочь блондинистая! И меня, поддавшуюся этим губам, тоже!

Приличная девушка наверняка бы сопротивлялась, вмешалась, толкнула бы наглеца и плеснула бы по нему взглядом со слегка матер... матовым покрытием. Вот только я предпочла послать приличия в бездну. Хватит, нажилась уже добропорядочной настолько, что померла! И теперь, не зная, сколько вообще отпущено мне: час, день, пара десятков лет... Я решила пить полными глотками все то время, что мне отведено судьбой. И ответила на поцелуй, когда жесткие мужские губы вдруг стали мягким бархатом.

Когда именно это произошло и поцелуй из простой попытки спрятаться за фривольностью стал глубоким, проникающим, кажется, не понял ни один из нас. А вот то, что мою крышу, которая вроде еще минуту назад была на месте, взял и сорвал один менталист своим поцелуем — это я осознала четко, когда Касс вдруг прикусил мою нижнюю губу. В ответ

я шумно выдохнула и подалась вперед, насладиться ощущением сильных мужских рук, что скользили по моим плечам.

Пальцы прошлись по шнуровке корсета, скрытого платьем, к ажурному кружеву воротничка, поползли вверх, по шее и зарылись в волосы.

Я не выдержала этой сладкой пытки и простонала. А пальцы, помимо моей воли, впились в рукава кителя, заставив менталиста рвано выдохнуть:

— Китти...

Мои ногти впились в ткань еще сильнее, возможно, даже оставляя следы.

— Понял, лучше Рини, — верно истолковал мою реакцию на детское прозвище блондин: ненавидела, когда мое имя сокращали по первым слогам, точно у глупой куклы в форме кошечки.

И как блондинистый гад протянул мое имя... Если до этого у меня снесло крышу, то сейчас и фундамент вырвало с корнем, не иначе!

Ладони отпустили мужские плечи и скользнули по спине менталиста, ощущая напряженные мышцы под пальцами через сукно, чувствуя, как блондин впивается мне в шею своими губами...

Я цеплялась, я прижималась, я не верила, что так можно вообще целоваться, а Касс не давал мне ни единого шанса отстраниться.

Горячие тела, бешеный пульс... Смущенный кашель и громко хлопнувшая дверь, что вернули нас в реальность.

И поцелуй — этот невозможный, неожиданный, совершенно неуместный — закончился. Он длился ровно столько, сколько нужно, чтобы прошедший мимо человек увидел парочку в тамбуре, которая не может дожидаться уединения купе, — и только.

Менталист нехотя, словно через силу, разорвал поцелуй и отстранился. Я посмотрела в эти невозможные глаза и увидела, как Ледник опускает ресницы со словами:

— Врежь мне, я заслужил...

И даже подставил лицо для пощечины. Ну раз мужчина просит... Мой кулак впечатался прямиком в солнечное сплетение. И не потому, что моя девичья честь пострадала из-за поцелуя, а потому что оный так внезапно (я только начала получать удовольствие!) закончился. Быстро и технично. Напомнив, что я здесь не девушка, а инвентарь для прикрытия. Вроде грабель в саду. А брошенные в самый ответственный момент грабли могут больно бить, если наступить на них... или их самолюбие! И не только по носу.

Менталист резко выдохнул и на миг прикрыл глаза. Видимо, не ожидал. Что ж, мой удар правой, хоть и не эльфийский поцелуй, но впечатление тоже производил неизгладимое. А бить меня учил братец, увлекавшийся кулачным боем, таким модным в столице Туманного Альбиона. И, как говорил Ник,

не столь важно, с какой силой ты бьешь. Главное — куда. Именно от этого и зависит острота боли.

Вот только почему-то, пока я тренировалась на мешке с песком, с которым боксировал старшенький, моим кистям так не доставалось... Сейчас же костяшки и запястье горели огнем. Этот белобрысый из камня, что ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.